

Екатеринославскія воспоминанія

(Августъ 1918 г. — июнь 1919 г.)

Г. Игренева.

I

Я приѣхалъ въ Екатеринославъ въ эпоху гетманскаго режима. Поѣздка скорымъ поѣздомъ изъ Харькова продолжалась 6 часовъ. Изъ Кіева до Екатеринослава можно было доѣхать въ 12. Могло ли тогда придти въ голову, что Екатеринославъ вскорѣ окажется мѣстомъ, на долгое время отрѣзаннымъ отъ остального міра!

Жизнь въ Екатеринославѣ была ключомъ. Официальная украинско-галиційская «мова» совершенно игнорировалась населеніемъ, непонимавшимъ ее. Нѣмецкая оккупанція, тягостная и жестокая въ деревняхъ, въ городѣ ощущалась мало. Послѣ совѣтской голодовки поражала баснословная дешевизна цѣнъ на съѣстные припасы и громадное изобиліе ихъ на рынкахъ. Екатеринославъ былъ заваленъ бѣлыми булками, молочными продуктами, колбасами, фруктами и считался въ продовольственномъ отношеніи самымъ благодатнымъ пунктомъ Украины. Моего преподавательскаго оклада въ Университетѣ, 450 рубл. въ мѣсяцъ, съ излишкомъ хватало на жизнь. — Первые два съ половиною мѣсяца жили совершенно спокойно. Занятія во вновь открытомъ университетѣ наладились и шли съ большимъ успѣхомъ. Посѣщаемость лекцій на юридическомъ факультетѣ доходила до 500—600 человекъ. Спокойствіе въ городѣ нарушалось только слухами о происходящихъ въ деревняхъ крестьянскихъ возстаніяхъ и о необычайной жестокости, съ которой австрійскія оккупанціонныя войска ихъ подавляли. Несмотря на оккупанцію, нѣмецкія газеты до Екатеринослава почти не доходили. Поэтому извѣстіе, что Германія проситъ мира, напечатанное въ вечернихъ телеграммахъ, издававшихся австрійскимъ военнымъ штабомъ, было для всѣхъ полной неожиданностью. Послѣдовавшія затѣмъ сообщенія о ноябрьскомъ революціонномъ взрывѣ и переворотѣ 11-го ноября вызвали въ городѣ большое возбужденіе. Спокойнѣе всего отнеслись къ этимъ извѣстіямъ стоявшія въ городѣ войска. Въ ихъ средѣ незамѣтно было никакого волненія. Элегантные австрійскіе офицеры попрежнему продолжали эффектно возсѣдать въ самыхъ роскошныхъ, по екатеринославскому масштабу, кафэ и гордо прогуливаться по главнымъ улицамъ. Солдаты попрежнему вытягивались въ струнку и отдавали честь. По настроенію войскъ нельзя было предпологать, что въ ихъ государствахъ произошла грандіозная катастрофа. Въ первое время казалось, что на Украинѣ остается все по старому.

Вскорѣ по заключеніи перемирія между Антантой и нѣмецкими государствами, по городу стали ходить слухи, что союзники рѣшили послать войска на Украину для борьбы съ сѣверно-русскимъ большевизмомъ. Каждый день въ газетахъ печатались фантастическія извѣстія о прибывшихъ въ Одессу и Новороссійскъ громаднхъ десантахъ французскихъ и англійскихъ войскъ. Слухи были подтверждены официальнымъ обращеніемъ французскаго военнаго аташе въ Одессѣ «къ населенію южной Россіи», расклееннымъ на всѣхъ столбахъ города. Воззваніе объявляло большевиковъ внѣ закона и призывало всѣ слои населенія оказывать поддержку союзническимъ войскамъ

въ предстоящей борьбѣ съ «красными варварами». Екатеринославское население откликнулось на воззваніе съ большимъ воодушевленіемъ. Различныя общественныя организаціи созывали особыя совѣщанія для обсужденія плана встрѣчи союзныхъ войскъ; происходили принципиальныя споры о текстѣ привѣтственныхъ адресовъ и формахъ поддержки. Одновременно командующій добровольческой арміей — генералъ Деникинъ объявилъ мобилизацію офицеровъ, и гетманъ Скоропадскій пытался войти съ нимъ въ соглашеніе. — Войскъ Антанты въ Екатеринославѣ ожидали со дня на день. Екатеринославскія газеты сообщали, что англійскіе и французскіе солдаты уже въ Александровскѣ, даже въ Синельниковѣ (въ 25 верстахъ отъ Екатеринослава) . . .

Но союзныя войска не приходили, а въ газетахъ стали появляться тревожныя извѣстія, что нѣмцы, ссылаясь на условія перемирія, по которымъ ихъ войска должны очистить всѣ занятыя мѣстности, собираются уходить изъ Украины. Эти слухи вскорѣ были подтверждены официальнымъ заявленіемъ нѣмецкаго совѣта солдатскихъ депутатовъ въ Кіевѣ. Требованіе Антанты, чтобы нѣмецкія войска продолжали оставаться на Украинѣ, несмотря на всѣ угрозы, было рѣшительно отклонено нѣмецкими совѣтами. Нѣмцы энергично готовились къ возвращенію на родину. — Предстоящій уходъ оккупационныхъ войскъ сразу замутилъ на Украинѣ всѣ перспективы. Гетманская власть потеряла немедленно свою устойчивость.

II

Первымъ проявленіемъ тревожнаго настроенія въ Екатеринославѣ была студенческая политическая забастовка, направленная противъ гетманскаго режима. Соціалистическія партіи единодушно стали вести агитацію въ пользу немедленнаго сверженія гетмана и восстановленія республики. Въ это время (дѣло было въ самомъ концѣ ноября) пришли первыя извѣстія о возстаніи галиційскихъ стрѣлковъ подъ предводительствомъ Петлюры, поддержанномъ украинскимъ крестьянствомъ. Нѣмецкіе совѣты солдатскихъ депутатовъ поспѣшили объявить о своемъ нейтралитетѣ, и движеніе вскорѣ приняло широкой масштабъ. Главная масса «петлюровцевъ» обложила Кіевъ и черезъ короткое время добилась успѣха: гетмаиъ былъ низложенъ и бѣжалъ. — Въ Екатеринославѣ петлюровцы вошли совершенно мирно. Они заняли нижнюю часть города, прилегающую къ вокзалу (Екатеринославъ расположенъ на склонѣ высокаго холма.) Въ верхней части города продолжалъ сохраняться гетманскій режимъ, защищаемый 8-ымъ офицерскимъ корпусомъ, объявившимъ о своемъ присоединеніи къ добровольческой арміи. Австрійскія войска были совершенно равнодушны. Такое положеніе длилось цѣлую недѣлю и продолжалось даже послѣ того, какъ Кіевъ былъ взятъ Петлюрой и провозглашена Украинская Директорія. — Петлюровцы были добродушные малые. Разодѣтые въ опереточныя зипуны, они распѣвали національныя пѣсни, красно гарцовали на своихъ лошадяхъ, стрѣляли въ воздухъ, проявляли большую склонность къ спиртнымъ напиткамъ, однако никого не трогали. Казалось, что все обойдется мирно. Ничто не предвѣщало вооруженнаго столкновенія. Но оно все же внезапно произошло.

Въ одну изъ ночей въ первыхъ числахъ декабря я былъ разбуженъ громкой командой: «пли», раздавшейся подъ самымъ окномъ (я жилъ въ первомъ этажѣ). Не успѣлъ я вскочить, какъ раздалась оглушительная ружейная и пулеметная трескотня, которая затѣмъ не прекращалась до вечера слѣдующаго дня. Пули стучали, какъ дождь, по крышѣ нашего дома. Какъ впоследствии оказалось, въ нашемъ дворѣ стояла команда петлюровцевъ, а на противоположномъ углу улицы расположились солдаты 8-го корпуса. — Столкновеніе между войсками, цѣлую недѣлю мирно уживавшимися въ одномъ городѣ, было настолько неожиданно, что никто изъ жителей нашего дома не могъ догадаться, кто собственно сражается. Высказывались предположенія о большевистскомъ возстаніи и о сраженіи австрійскихъ войскъ съ явившимися, наконецъ, союзническими солдатами. Недоумѣніе разъяслось только уже днемъ,

когда къ намъ явились солдаты для обыска, они оказались петлюровцами и были по обыкновению очень добродушны. Мы узнали отъ нихъ, что бой возникъ потому, что 8-ой корпусъ не захотѣлъ добровольно уйти изъ Екатеринослава, мотивируя свой отказъ необходимостью охранять мирныхъ жителей отъ грабежей. Кровопротіе было остановлено вмѣшательствомъ австрійскаго командованія, которое пригрозило обстрѣлять городъ тяжелой артиллеріей. Дерущіеся вняли этому аргументу и 8-ой корпусъ на слѣдующій день мирно ушелъ. Впрочемъ, часть его солдатъ осталась и перешла къ петлюровцамъ. Перебѣжничество затѣмъ повторялось при каждой смѣнѣ режима. Петлюровцы торжествовали побѣду. Національные украинскіе зипуны загарцовали на главныхъ улицахъ города. Стало весело, шумно и пьяно. Гайдамаки пѣли, плясали, но главнымъ образомъ стрѣляли, не въ людей, а просто такъ себѣ, въ воздухъ. Днемъ еще было сносно, но ночью становилось жутко. Нельзя было пройти нѣсколько шаговъ по улицѣ, чтобы передъ ухомъ не просвистѣла пуля. Бывали и жертвы, особенно дѣти . . . Въ учрежденіяхъ, управляемыхъ петлюровцами, господствовала полная безтолковщина. Одно учрежденіе не подозрѣвало о существованіи другого; каждое вѣдомство въ отдѣльности непосредственно сносилось съ Кіевомъ. Ежедневно публиковались приказы о мобилизаціи, которые въ тотъ же вечеръ отмѣнялись. Такъ по крайней мѣрѣ разъ пять объявлялась мобилизація студенчества и ни разу не приводилась въ исполненіе. Изъ учреждений были изгнаны всѣ служащіе не владѣвшіе «украинской мовой». — Городъ былъ полонъ всевозможныхъ чудесныхъ слуховъ о Махно и его разбойничьей шайкѣ, свившей себѣ гнѣздо въ Гуляй-Полѣ (Екат. губ.). Въ народѣ говорили, что Махно требуетъ отъ петлюровцевъ, чтобы его впустили въ Екатеринославъ всего лишь на три дня: за это время онъ обѣщаетъ ввести новый анархо-коммунистическій строй — отобрать все у богатыхъ и отдать бѣднымъ. Рассказывали, что Махно благородный человекъ и «врагъ лишь жидамъ и нѣмцамъ», а населенію его вечаго бояться. Я слушалъ всѣ эти толки и не придавалъ имъ никакого значенія, не подозрѣвая даже о той реальной силѣ, которой уже тогда обладалъ Махно. Но прежде, чѣмъ пришлось въ атомъ убѣдиться, въ Екатеринославѣ произошло еще одно сраженіе: бой между петлюровцами и австрійцами. Петлюровцы потребовали у стоявшихъ въ городѣ австрійскихъ частей, чтобы они сдали оружіе передъ эвакуаціей на родину. Нѣмцы категорически отказались и съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свою воинскую честь. Ожесточенная ружейная и пулеметная стрѣльба длилась дѣлые сутки. Среди мирныхъ жителей было не мало жертвъ. Побѣдили конечно петлюровцы, ибо австрійцы только оборонялись: у нихъ не было достаточно сильныхъ стимуловъ для борьбы до конца. — Сильное впечатлѣніе производило арѣлище, какъ гайдамаки срывали погоны у австрійскихъ офицеровъ. Гордые оккупаторы, союзники державы едва не побѣдившей всю Европу, склонялись передъ толпой полупьяныхъ украинскихъ стрѣлковъ, представлявшихъ совершенный нуль въ военномъ отношеніи. Такъ повернулась къ нимъ судьба. Вскорѣ послѣ своего разоруженія нѣмцы исчезли. Тихо и незамѣтно вышли изъ Екатеринослава австрійскія части, послѣ своего позора не показывавшіяся больше на улицахъ. Ихъ уходъ обыватель почувствовалъ только впоследствии, когда черезъ недѣлю послѣ ихъ исчезновенія на Екатеринославъ напалъ Махно.

III

Кто такой Махно? И въ чемъ секретъ его стихійной силы въ Екатеринославщинѣ? Этотъ вопросъ не разъ приходилъ въ голову за время пребыванія въ Екатеринославѣ: имя Махно ни у кого не сходило съ языка. — Изъ разспросовъ мнѣ удалось узнать лишь слѣдующія подробности изъ его біографіи. Родомъ изъ Гуляй-Поля, по одной версіи — народный учитель, по другой — рабочій, онъ въ 1902 г., за убійство родного брата съ корыстной цѣлью, былъ приговоренъ Екатеринославскимъ окружнымъ судомъ къ 15-ти годамъ каторжныхъ работъ. Въ 1905 году неожиданно снова появился на

горизонтъ, объявилъ себя анархистомъ, участвовалъ въ какихъ то экспроприацияхъ и потомъ снова потерялся изъ виду. Выпрыгнулъ снова только въ 1917 г. въ качествѣ председателя Гуляй-Польскаго совѣта рабочихъ депутатовъ. Пытался организовать Гуляй-Польскую анархическую коммуну. Послѣ прихода нѣмцевъ на Украину становится однимъ изъ вождей крестьянскихъ повстанческихъ бандъ, ведущихъ партизанскую борьбу противъ оккупационныхъ войскъ. Это доставило ему широкую популярность среди крестьянъ Екатеринославской губерніи. Послѣ подавленія повстанческаго движенія организуетъ болѣе тѣсную разбойничью шайку, съ которой совершаетъ рядъ крупныхъ грабежей. Перемена режима не оказываетъ влияния на его дѣятельность, и въ петлюровской сумятицѣ онъ продолжаетъ съ успѣхомъ свою работу. На собранные путемъ грабежей деньги Махно скупаетъ у австрійскихъ солдатъ всякое вооруженіе, въ томъ числѣ тяжелую артиллерію и громадныя запасы ручныхъ гранатъ. Превосходно вооруженная разбойничья шайка прочно обосновывается на родинѣ своего вождя — въ Гуляй-Полѣ и объявляетъ насильственную мобилизацію крестьянъ ближайшихъ деревень. Такъ организовалъ Махно свое войско, которое онъ повелъ на завоеваніе Екатеринослава. Послѣ ухода австрійскихъ войскъ, городъ былъ открытъ для его нападенія. Махно все ждали и все-таки не вѣрили, что онъ придетъ. Какъ то не вѣрилось, что въ XX-омъ вѣкѣ возможно завоеваніе большого, крупнаго центра шайкой разбойниковъ. Петлюровскія власти увѣрили, конечно, что махновцы разбѣгутся при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Но событія не заставили себя долго ждать. Ровно черезъ недѣлю послѣ ухода австрійцевъ (это было въ серединѣ декабря) по городу пронесся слухъ, что Махно занялъ Спелельниково и ведетъ наступленіе на желѣзнодорожный мостъ черезъ Днѣпръ — соединительное звено между Екатеринославомъ и правобережной Украиной. Къ вечеру городъ наполнился отступающей петлюровской кавалеріей. Когда раннимъ утромъ слѣдующаго дня мы съ женой отправились на ближайшій рынокъ, чтобы записаться припасами передъ предстоящимъ событіемъ, петлюровскіе солдаты настойчиво предлагали публикѣ разойтись, предупреждая, что сейчасъ будетъ открыта пальба по желѣзнодорожному мосту, уже занятому Махновцами. Дѣйствительно, на рыночной площади были разставлены тяжелыя орудія. Не успѣли мы нѣсколько отойти отъ площади, какъ грянули первые оглушительные удары. Пятеро сутокъ съ этого момента, безъ передышки, шла ожесточенная артиллерійская пальба. Что пришлось пережить за эти безумныя дни, не поддается описанію. Махновцы, занявъ при первой же атакѣ вокзалъ, буквально засыпали городъ артиллерійскими снарядами. Въ первый же день зданіе духовной семинаріи, въ которой помѣщались гуманитарныя факультеты университета, получило 18 пробоннъ, изъ нихъ 8 на вылетъ. Два снаряда попали въ общежитіе семинаристовъ, къ счастью въ это время были канпулы, и убито было всего нѣсколько человекъ. Снаряды разрывались въ частныхъ квартирахъ; каждый день приносили извѣстія о новыхъ жертвахъ и разрушеніяхъ. Въ воздухѣ стоялъ невыносимый гулъ отъ пальбы. Стекла въ окнахъ дребезжали и лопались. Дома тряслись такъ сильно, что падали картины со стѣнъ. Мы лежали на полу въ передней, не имѣвшей оконъ, совершенно изнуренные отъ бессонныхъ ночей и безпрерывнаго гула. Но моральное состояніе было хуже физическаго. Махно день за днемъ бралъ все новыя улицы. Петлюровцы въ безпорядкѣ отступали. Подъ властью разбойника . . . что ждать впереди? Все явственнѣе къ звукамъ артиллерійской пальбы примѣшивались ружейныя залпы и стукъ пулеметовъ. На четвертый день Махно занялъ всю нижнюю часть города и повелъ наступленіе на гору. Снаряды стали разрываться надъ нашими головами; къ звукамъ взрывовъ присоединилась свистъ пролетающихъ шрапнелей и лязгъ ихъ осколковъ о камни мостовой. Пули дождемъ сыпались на крышу. Все жители дома собрались въ назавшейся сравнительно болѣе безопасной передней перваго этажа. Думали о смерти и молчали. Стрѣляли такъ сильно, что уже нельзя было различать ударовъ. Къ 7 ч. вечера стрѣльба внезапно стихла. Сосѣди отправились наверхъ. Вдругъ постучали въ дверь. На мой вопросъ, кто тамъ, раздался грубый голосъ: «А ну ка, открой!» Я открылъ и невольно отшатнулся: на меня направлены

были дула нѣсколькихъ ружей. Въ квартиру ворвалось гурьбой человекъ 10, съ ногъ до головы вооруженныхъ молодцовъ, обвѣшанныхъ со всѣхъ сторонъ ручными гранатами; одѣты они были въ самые разнообразные костюмы: одни — въ обычные солдатскія шинели, другіе въ роскошныя енотовыя шубы, очевидно только что снятыя съ чужихъ плечъ, третьи, наконецъ, въ простые крестьянскіе зипуны. На испуганный вопросъ подоспѣвшихъ хозяевъ квартиры (я снималъ у нихъ только комнаты): кто вы? раздался отвѣтъ: «петлюровцы!», и послышался дружный хохотъ: «Небось обрадовались; а мы вашихъ любимчиковъ въ порошокъ истерли и въ Днѣпръ сбросили. Поиграли и будетъ. Мы — маховцы и шутокъ не любимъ». «Намъ квартира эта нужна; выбирайся отсюда поскорѣй», прибавилъ предводитель отряда. — Хозяйкъ квартиры удалось убѣдить незваныхъ гостей, что переднихъ двухъ комнатъ и прихожей будетъ вполне достаточно для ихъ цѣлей. Мы перебрались въ заднія комнаты. Въ квартиру прибывали все новые и новые маховскіе солдаты. Они безцеремонно провикли и въ слѣдующія комнаты и сѣли за столъ, на которомъ стояла кое какая снѣдь. Наши дамы вѣжливо потчевали ихъ, стараясь разыграть радушныхъ хозяекъ... Маховскіе гости, угощавшіеся за столомъ, были очень разнаго типа. Одинъ изъ нихъ смуглый брюнетъ, съ ярко бѣлыми зубами, весь еще былъ оныяненъ только-что пролитой кровью. Онъ хвасталъ все время своими подвигами, не выпуская изъ рукъ револьвера, которымъ онъ только что, по его рассказамъ, пристрѣлилъ буржуа и буржуйку; «такіе глушые», прибавилъ онъ, жутко улыбаясь: «все время ищали»... Другой, блѣдный и изможденный, въ желѣзной австрійской каскѣ, сосредоточенно молчалъ, водя своими стеклянными глазами прирожденнаго убійцы. Внезапно онъ вытащилъ изъ голенища гамаши, очевидно, только что святые съ убитой, и обращаясь къ моей женѣ, сказалъ, ухмыляясь: «Возьми, барышня, на память, кажется, женскіе чулки». Жена стала увѣрять, что ей не нужно этого подарка, что видимо задѣло страшнаго кавалера. Положеніе спасъ нашъ хозяинъ, который взялъ гамаши для своей дочери. — Совсѣмъ много тина, чѣмъ остальные, былъ другой махновець: по виду мѣрный сельскій пахарь, лѣтъ 45, одѣтый въ обычное крестьянское платье, онъ поминутно крестилъ свой ротъ, приговаривалъ послѣ каждаго проглоченнаго куска: «Спасибо хозяину и хозяйкѣ». Невольно возникало недоумѣніе, какъ затесался этотъ мѣрный человекъ въ буйную разбойничью ватагу; повидимому, это была жертва насильственной маховской мобилизаціи.

Въ столовую вошелъ самъ начальникъ отряда (какъ потомъ оказалось, пулеметной команды) — солдатъ съ совершенно неопредѣленнымъ выраженіемъ лица; онъ пришелъ звать своихъ товарищей на смѣну и, отказавшись отъ угощенія, сталъ насъ просвѣщать: «Нашъ батька», повѣдалъ онъ намъ: «самъ генералъ: онъ царской арміи подпоручикъ. Онъ коммунистъ настоящій, не то что петлюровцы, жидами купленные. Махно каждому позволяетъ взять по одной парѣ всего, сколько нужно, чтобы на себѣ носить. А кто больше возьметъ, тѣхъ всѣхъ разстрѣливаетъ. Мы только жидовъ и нѣмцевъ рѣжемъ — они то и есть главные буржуи». «А ты, не жидовка ли будешь?» грозно спросилъ онъ у нашей хозяйки, типичной хохлушки-брюнетки, и вразумительно помахалъ передъ ней пальцей, въ которую была вдѣта ручная граната. Хозяйка показала на образа, висѣвшіе на стѣнѣ, и гроза миновала. — Маховцы, сидѣвшіе въ столовой, ушли на смѣну, и ихъ начальникъ позволилъ намъ запереть на крючокъ дверь изъ столовой въ половинну квартиры, занятую отрядомъ. Всю ночь отдѣльные солдаты дергали за двери въ надеждѣ пограбить, но при окликахъ уходили, ничего не отвѣчая. Во дворъ къ намъ былъ поставленъ пулеметъ, который стучалъ всю ночь; какъ оказалось, его чинили и пробовали. Мы всѣ, конечно, не спали и прислушивались. У махновцевъ слышно было непрерывное движеніе и шопотъ; только впоследствии мы узнали, что въ нашей квартирѣ былъ избитъ прикладами и чуть не разстрѣлянъ врачъ — сосѣдъ, который, новѣривъ, что пришедшіе солдаты петлюровцы, сталъ поносить махновцевъ. Его цѣлую ночь продержали подъ дулами ружей, ежеминутно угрожая убить, а онъ ползалъ на колѣняхъ и молилъ о пощадѣ; наконецъ его пзбили и подъ утро вытолкнули на улицу . . .

На разсвѣтѣ пріютившаяся у насъ пулеметная команда выстроилась въ боевой готовности передъ домомъ; на другомъ концѣ площади стояли еще петлюровцы. Послѣ ухода махновцевъ мы нашли подъ кроватью цѣлую кучу ручныхъ гранатъ. Шкафъ былъ взломанъ и все платье, и бѣлье изъ него украдено. Мы поспѣшили позвать солдатъ, чтобы вернуть имъ оставленные на память бомбы.

Припасы всѣ были съѣдены, и жепя рѣшилась, пользаюсь затишьемъ, выйти на площадь поискать продовольствія. Махновцы, стоявшіе тамъ, узнали ее и пустили пройти: «А, ты изъ того дома будешь? ну иди, иди; только скорѣй! А то стрѣлять надо. Мы подождемъ, но немного». Когда черезъ минуту жена вернулась, раздобывъ хлѣба, дѣйствительно началась отчаянная стрѣльба. Однако, это стрѣляла не наша знакомая махновская команда, а палила тяжелая артиллерія подоспѣвшихъ на помощь изъ Кременчуга петлюровскихъ частей. Махновцы въ безпорядкѣ разбѣгались. Имъ не удалось даже, какъ слѣдуетъ, пограбить города, не говоря уже о попыткѣ Махно организовать совместно съ коммунистами совѣтскую власть. Единственное, что Махно успѣлъ въ Екатеринославѣ: это разстрѣлять прокурора окружного суда Аверьянова — своего обвинителя въ дѣлѣ о братоубійствѣ. — Къ вечеру махновскіе отряды окончательно были изгнаны изъ Екатеринослава и разсыпались по Екатеринославской губерніи, гдѣ стали интенсивно продолжать свою дѣятельность. Объ ихъ окончательной ликвидаціи силами петлюровцевъ нельзя было и думать: слишкомъ сильные корни пустилъ Махно въ украинскомъ крестьянствѣ и слишкомъ дезорганизованы были петлюровцы. Тѣмъ не менѣе, они торжественно праздновали побѣду и прославляли происшедшія событія, какъ проявленіе крѣпости своего режима. Во всѣхъ газетахъ были напечатаны длиннѣйшія оффиціальныя сообщенія, рѣшавшія вопросы государственнаго управленія въ категоріяхъ, свойственныхъ политической мысли «Запорожской Сѣчи»... Населеніе сидѣвшее, 6 дней взаперти, хлынуло на полуразрушенныя улицы, засыпанныя осколками снарядовъ, обвалившейся штукатуркой домовъ, стекольными осколками; мертвецы всѣ были подобраны; за то поражало количество труповъ лошадей и собакъ... Петлюровцы хоронили павшихъ и... стрѣляли въ воздухъ. А населеніе ждало новаго нападенія Махно. Но оно не произошло. Очередной обстрѣлъ Екатеринослава былъ уже произведенъ регулярными частями совѣтской красной арміи.

IV

Еще дней за 10 до нападенія махновцевъ Екатеринославъ оказался отрѣзаннымъ отъ Харькова. По оффиціальной версіи вслѣдствіе занятія части желѣзнодорожнаго пути махновцами и разрушенія на этомъ промежуткѣ телеграфа. Вскорѣ послѣ «побѣды» петлюровцевъ надъ махновцами изъ Кіева пришли сильно запоздавшія извѣстія, что совѣтскія войска предпривяли наступленіе на Украину и заняли Бѣлгородъ (являвшійся въ тѣ времена границей между Украиной и Велико-россіей). Петлюровское правительство сообщало, что оно отправило большія силы противъ большевиковъ, и нѣсколько разъ оповѣщало объ одержанныхъ ими побѣдахъ, правда въ совершенно неопредѣленномъ тонѣ. Между тѣмъ, въ населеніи сталъ упорно ходить слухъ, что Харьковъ занятъ большевиками. Петлюровскія власти потребовали у мѣстныхъ газетъ напечатанія категорическихъ опроверженій этихъ слуховъ. Опроверженія уже были набраны и напечатаны, но... не успѣли газеты выйти*, какъ неожиданно началась ожесточенная артиллерійская пальба (послѣ трехнедѣльнаго отдыха). Какія войска наступаютъ на Екатеринославъ, было для населенія совершенной загадкой. О большевикахъ никто не думалъ, такъ какъ отъ Харькова до Екатеринослава больше 200 верстъ, и казалось чудовищнымъ, чтобы петлюровскія власти рѣшились скрывать отъ населенія приближеніе красной арміи, которое не могло быть внезапнымъ. Обыватель терялся въ догадкахъ, а тѣмъ

* Это было вечеромъ, а газеты выходили по утрамъ.

временемъ палили все сильнѣе и сильнѣе; снаряды снова стали разрываться въ городѣ и разрушать зданія. Снова пришлось пережить 5 кошмарныхъ дней тяжелаго артиллерійскаго боя. Не буду повторять его описанія . . . Нова была только полная неизвѣстность: жители томительно недоумѣвали, кто новый завоеватель. На вопросы объ этомъ петлюровскіе солдаты лѣниво отвѣчали: «А кто его знаетъ! Все одно — врагъ». Въ самый день, когда разбитые на голову петлюровцы бѣжали изъ Екатеринослава, по городу усиленно распространялись слухи, что пришли добровольческія войска, а по другой версіи даже французскіе солдаты, неожиданно прибывшіе въ Одессу послѣ столь долгаго запозданія. Меньше всего ждали большевиковъ. А между тѣмъ, это были они. Въ городъ вступила регулярная красная армія подъ командой Дыбенко. Оказалось, что Харьковъ уже больше мѣсяца былъ подъ властью большевиковъ. Махновцы фигурировали, какъ мы только теперь узнали, въ качествѣ повстанческаго авангарда совѣтскихъ войскъ. — Населеніе Екатеринослава насторожилось и притаилось. Никто не рѣшался выходить на улицу. Но вскорѣ обыватель ощутилъ нѣкоторое облегченіе, такъ какъ почувствовалъ организованную армію и твердую власть. По сравненію не только съ махновцами, но и съ петлюровцами, красноармейцы производили необычайно дисциплинированное впечатлѣніе. Красноармейское офицерство ничѣмъ по виду не отличалось отъ обычнаго: оно щеголяло по улицамъ въ изысканныхъ воинскихъ нарядахъ и каталось на лихачахъ. Солдаты держались въ страхѣ и повиновеніи и производили забитое впечатлѣніе. Выдѣлялись китайцы, которые пыгались грабить; послѣ нѣсколькихъ разстрѣловъ на мѣстѣ преступленія они притихли. Въ общемъ первые дни прошли такъ спокойно, что населеніе начало благословлять совѣтскій режимъ, положившій конецъ естественному состоянію. Однако вскорѣ пришлось познакомиться и съ обратной стороной медали. На 5-ый день въ Екатеринославу пріѣхала изъ Харькова чрезвычайная комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей и стала напряженно работать. Пошли безконечные аресты и разстрѣлы безъ суда. Хватали направо и налево всѣхъ, кто попадалъ подъ руки, не только бывшихъ приверженцевъ гетмана, но даже и петлюровцевъ. Многихъ разстрѣливали тутъ же въ чрезвычайкѣ, послѣ перваго же допроса, часто по недоразумѣнію . . . Не было ни одной интеллигентной семьи, въ которой никто не былъ бы арестованъ. Справокъ объ арестованныхъ не давали; чрезвычайная комиссія охранялась двойной цѣпью патруля, который никого не пропускалъ въ ея стѣны . . . Дѣятельность «Ч. К.» такъ доминировала въ городѣ, что дѣлала какъ то незамѣтной власть наскоро организованнаго президіума екатеринославскаго совѣта рабочихъ депутатовъ. Однако, и эту власть обыватель почувствовалъ вскорѣ, и прежде всего въ продовольственномъ отношеніи. Послѣ учрежденія городского комиссаріата продовольствія въ Екатеринославу замѣтно стали таять запасы. Прежде всегда (даже непосредственно послѣ сраженій) заваленный припасами рынокъ сразу опустѣлъ. Цѣны росли ежедневно и съ бѣшеной быстротой. За первые 3 недѣли они поднялись вдвое и стали затѣмъ расти въ геометрической прогрессіи. Причпы этого на первый взглядъ страннаго явленія были чрезвычайно просты. Раздавъ населенію продовольственныя карточки, на которыя нельзя было получить никакихъ продуктовъ, даже хлѣба, такъ какъ продовольственно-кооперативнаго аппарата наладить еще не удалось, комиссаріатъ продовольствія сталъ энергично бороться съ свободой торговли. Екатеринославу былъ оцѣпленъ ааградительными отрядами, отбиравшими безжалостно у крестьянъ всѣ продукты, которые они пытались привести въ городъ. Между тѣмъ, громадныя городскіе запасы продовольствія стали быстро раскупаться всякими закулочными отрядами, пахлынувшими съ сѣвера. При помощи такой системы богатый въ продовольственномъ отношеніи центръ плодороднѣйшаго края былъ превращенъ въ короткій срокъ въ голодную пустыню. И такъ какъ въ городѣ не существовало налаженной кооперативной организаціи, положеніе населенія начало становиться хуже, чѣмъ на сѣверѣ. Вѣдь заработки были несоизмѣримо ниже и, хотя большевики и повысили немедленно по прибытіи тарифныя ставки вдвое, но угнаться за ростомъ цѣнъ онѣ, конечно, не могли. Къ тому же

у совѣтскихъ органовъ въ Екатеринославѣ не было достаточно денежныхъ знаковъ. Деньги печатались въ Москвѣ и съ большими задержками доходили до Украины. Служащіе всѣхъ вѣдомствъ цѣлыми мѣсяцами оставались безъ жалованія. Въ особенно тяжеломъ положеніи оказались преподаватели учебныхъ заведеній всѣхъ разрядовъ. Имъ съ момента прихода большевиковъ (въ концѣ января) до мая ни разу не выплачивали жалованья. Отдѣльныя учрежденія посылали своихъ ходатаевъ въ Харьковъ и Кіевъ, и наиболѣе расторопные изъ нихъ возвращались съ деньгами, менѣе же счастливые съ пустыми карманами . . . Понятно, какова была при такихъ условіяхъ жизнь. —

Изъ множества реформъ, съ головокружительной быстротой предпринятыхъ большевиками, расскажу только о молниеносныхъ преобразованіяхъ въ области народнаго просвѣщенія, которыя я непосредственно наблюдалъ. Комиссаромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ студентъ II-го курса горнаго института, который очень энергично принялся за дѣло. Прежде всего была предпринята реформа средней школы. Въ серединѣ учебнаго года были закрыты 8-ые классы, и юноши переведены въ высшія учебныя заведенія; вмѣсто аттестатовъ имъ были выданы удостовѣренія, что они «прослушали курсъ гимназій». Въ каждомъ учебномъ заведеніи созваны были педагогическіе совѣты для перевыборовъ преподавателей подъ личнымъ контролемъ юнаго комиссара. Передъ выборами комиссаръ обращался къ каждому преподавателю съ вопросомъ: «Изложите Ваше политическое и педагогическое credo». Въ качествѣ полноправныхъ сочленовъ педагогическихъ совѣтовъ, даже при рѣшеніи чисто учебныхъ дѣлъ, были, кромѣ учащихся, привлечены и служители. На замѣчаніе одного изъ участниковъ такого совѣта, что въ сѣверной Россіи совѣтскій уставъ среднихъ учебныхъ заведеній не предусматриваетъ такого состава, комиссаръ отвѣтилъ: «Но вѣдь мы стремимся создать нѣчто болѣе совершенное». — Въ каждой гимназій были учреждены коммунистическія ячейки среди учениковъ: «для надзора надъ проведеніемъ въ жизнь совѣтскихъ мѣропріятій относительно школы». Главную обязанность этихъ ячеекъ составляло доносить на преподавателей. Благодаря дѣятельности коммунистическихъ ячеекъ учебная жизнь въ школахъ была совершенно нарушена. Въ составъ ячеекъ вошли всѣ наиболѣе лѣнивые и испорченныя дѣти, въ надеждѣ такимъ путемъ уклониться отъ учебы, что имъ дѣйствительно удавалось блестяще. Въ серединѣ урока неожиданно вставали цѣлыя группы учениковъ и безмолвно направлялись къ выходу; на изумленный вопросъ учителя: «куда вы?» — неизмѣнно раздавался отвѣтъ: «на засѣданіе коммунистической ячейки». И учителю оставалось только смириться . . . Въ Университетѣ и Горномъ Институтѣ «реформы» не зашли такъ далеко. Все дѣло тамъ свелось къ устраненію выборной администраціи во главѣ съ ректоромъ; на ихъ мѣсто были назначены единоличные комиссары — коммунисты. Комиссаромъ Университета былъ назначенъ студентъ I-го курса — мальчикъ лѣтъ 17-ти. Не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ вѣяться за управленіе Университетомъ, онъ передалъ всѣ дѣла завѣдующему канцеляріей правленія — старому и опытному канцеляристу, а самъ только то и дѣлалъ, что произносилъ агитаціонныя рѣчи на . . . засѣданіяхъ факультетовъ и совѣта профессоровъ. Онъ призывалъ профессоровъ «присоединиться къ революціи», не поясняя болѣе подробно, въ чемъ такое присоединеніе должно заключаться, и угрожалъ въ противномъ случаѣ репрессіями; но власти своей комиссаръ проявить не успѣлъ, скоро ему пришлось думать о бѣгствѣ. Въ Кіевѣ былъ выработанъ планъ полнаго преобразованія высшихъ учебныхъ заведеній, но большевики въ Екатеринославѣ не дожили до его осуществленія.

V

Уже на второй мѣсяцъ большевистскаго владычества на Украинѣ снова вспыхнуло крестьянское повстанческое движеніе, превратившееся уже здѣсь въ традицію. Махно измѣнилъ большевикамъ и «объявилъ себя независимымъ». Между Кіевомъ

и Екатеринославомъ орудовали банды «Зеленаго» и «Ангела». Сообщение съ Кіевомъ такимъ образомъ было нарушено. Обнаружились первые признаки наступленія Деникина, занявшаго Луганскъ. Обыватель снова сталъ ждать событій, а чрезвычайка ежедневно разстрѣливала за распространеніе ложныхъ слуховъ. Колчакъ въ это время былъ въ апогеѣ своихъ военныхъ успѣховъ: ждали общерусскаго переворота. Отрѣзанные отъ Кіева и плохо связанные съ Харьковомъ совѣтскіе правители Екатеринослава совершенно были лишены денегъ; незаконныя затруденія съ полученіемъ жалованья усиливали вѣру въ вѣрность положенія.

Каждый день распространялись слухи о занятіи Петрограда бѣлыми, о прорывѣ Колчака въ Москву, о занятіи Кіева поляками . . . Мы жили отрѣзанными отъ всего міра и не было никакой возможности провѣрять слухи. Екатеринославскія совѣтскія газеты почти не печатали телеграммъ изъ Россіи; они сообщали только о ежедневныхъ забастовкахъ и революціяхъ въ Западной Европѣ. — Тяжело было жить въ душливой атмосферѣ совершеннаго отрыва отъ остальнаго свѣта, закупореннымъ въ замкнутый кругъ Екатеринославской совѣтской сатрапін. Такъ длилось мѣсяца два (апрѣль-май). Денегъ не было. И всѣ ждали, ждали, сами не зная чего . . . И дѣйствительно снова грянули пушки. На этотъ разъ къ Екатеринославу подступилъ атаманъ Григорьевъ съ взбунтовавшимися частями красной арміи. Григорьевъ, кадровый офицеръ царской службы, игралъ замѣтную роль при петлюровскомъ режимѣ, въ качествѣ командующаго одной изъ украинскихъ частей. При наступленіи большевиковъ на Кіевъ, онъ перешелъ на ихъ сторону и былъ назначенъ начальникомъ одной изъ красноармейскихъ дивизій, наступавшихъ на Крымъ и Одессу. Здѣсь онъ сразу отличился своими быстрыми военными успѣхами, которые заключались въ занятіи безъ боя эвакуируемыхъ бѣлыми мѣстностей. — Когда намѣтилось рѣзкое недовольство большевиками украинскихъ крестьянъ и началось повстанческое движеніе, Григорьевъ объявилъ себя лѣвымъ эс-эромъ. Выставивъ лозунгъ: «Долой комиссаровъ и жидовъ! Да здравствуютъ истинные совѣты!» — Григорьевъ пріобрѣлъ большую популярность среди своихъ солдатъ. Снесшись предварительно съ Махно, онъ снялъ свою дивизію съ южнаго фронта и повелъ вѣрныхъ ему красноармейцевъ на завоеваніе Екатеринослава, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ Махно¹⁾. По дорогѣ Григорьевъ занялъ Кременчугъ, гдѣ было совершенно избіеніе комиссаровъ и устроенъ еврейскій погромъ. Большевикамъ было чего бояться. Получивъ извѣстіе о приближеніи Григорьева, они рѣшили эвакуировать городъ. Въ одинъ вечеръ съ быстротой молніи изъ Екатеринослава исчезли всѣ совѣтскіе дѣятели. Безпрерывно тянулись по главной улицѣ города повозки, нагруженныя совѣтскимъ добромъ. Эвакуированы были даже совѣтскія вывѣски, такъ что черезъ нѣсколько часовъ въ Екатеринославѣ не было даже слѣда пребыванія коммунистовъ. Въ городѣ оставались только красноармейскія части, заявившія о своемъ нейтралитетѣ. «Кто придетъ, а тамъ и будемъ», флегматично заявляли они и, луща сѣмьчки, спокойно сидѣли въ казармахъ. Городъ остался безъ власти. На стѣнахъ были расклеены прокламаціи, призывавшія присоединиться къ Григорьеву. — Обороняли Екатеринославъ отъ «григорьевцевъ» главнымъ образомъ отряды коммунистической молодежи, состоявшія изъ мальчиковъ отъ 12 до 17 лѣтъ. Стрѣльба на этотъ разъ локализовалась въ одной части города; тамъ, гдѣ жилъ я, было безопасно. Я наблюдалъ издали за разрывомъ снарядовъ и гулялъ по спокойному городу, отдохавшему безъ власти. Григорьевъ было уже занялъ часть города, но тутъ подоспѣли надежныя коммунистскія части (латышскіе стрѣлки) изъ Харькова, и григорьевцы были прогнаны. Коммунисты торжественно со всѣмъ своимъ скарбомъ въѣхали обратно въ городъ . . . и снова развѣсили всѣ совѣтскія вывѣски. Екатеринославскій гарнизонъ тутъ же отрекся отъ Григорьева. Жизнь вошла въ обычную колею, что для Екатеринослава означало: напряженное ожиданіе новаго боя въ городѣ, въ атмосферѣ, насыщенной кровавыми слухами . . . Ждали Махно, Григорьева, Деникина, еврейскихъ погромовъ.

¹⁾ Впослѣдствіи Махно собственноручно убилъ Григорьева, очевидно усмотрѣвъ въ немъ опаснаго конкурента.

Всѣ эти имена и понятія страннымъ и жуткимъ образомъ переплелись между собой. Удушливые пары національной ненависти стояли надъ Екатеринославскимъ болотомъ и отравляли воздухъ. «Бей жидовъ и комиссаровъ» — было самымъ популярнымъ лозунгомъ среди населенія края, и вѣжди различныхъ теченій не гнушались на него опереться. «Махновцы», «григорьевцы», «деникинцы», всѣ безъ различія смотрѣли на еврейскій погромъ, какъ на единоспасающее средство отъ большевисткаго ига. Гипнозъ этого настроенія былъ такъ великъ, что ему поддавались даже нѣкоторые высокопросвѣщенные общественные дѣятели либеральнаго толка. Тягостно воспоминаніе о разговорахъ, которые приходилось вести съ ними въ этой связи. «Ну что же! еврейскій погромъ, такъ погромъ! Если иначе нельзя, то пусть хотя бы такъ. Если еврейскій погромъ сталъ неизбежнымъ путемъ сверженія большевиковъ, то его нельзя не принять съ радостью» . . . Было жутко отъ этихъ словъ, жутко за людей, которыя ихъ произносили . . . А атмосфера становилась все болѣе спертая. Давленіе ея было такъ сильно, что помимо военныхъ событій, чисто морально и психологически невозможно было ничего дѣлать. Я чувствовалъ, что задыхаюсь отъ удушья гнилыми парами Екатеринославщины, и далъ себѣ зарокъ уѣхать во что бы то ни стало. Тянуло въ Петроградъ, на который по слухамъ наступалъ англійскій десантъ. Вотъ бы пробраться туда, пока не поздно! Выбраться изъ заколдованнаго махновскаго края и забыть поскорѣй о немъ! Это была единственная мечта . . . Каждый день распространялся слухъ, что Синельниково занято какими-то войсками. Дѣйствительно, съ Харьковомъ (не говоря уже и Кіевѣ, который былъ отрѣзанъ давно) регулярнаго сообщенія не было. Унавѣ, что организуется студенческій эшелонъ для отъѣзда изъ Екатеринослава, я поспѣшилъ къ нему присоединиться и въ товарномъ вагонѣ, прицѣпленномъ къ воинскому поѣзду, выѣхалъ изъ Екатеринослава. Когда мы проѣзжали Павлоградъ, я узналъ, что въ 12 верстахъ отъ станціи идетъ напряженный бой съ деникинскими частями. Нашъ поѣздъ былъ послѣднимъ. На слѣдующій день Павлоградъ былъ взятъ Деникинымъ, а когда я доѣхалъ до мѣста назначенія (Петрограда), я прочелъ въ газетахъ о занятіи имъ Екатеринослава. Этому городу предстояло пережить въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ не меньшее число боевъ и перемѣнъ, чѣмъ здѣсь описанные. Махно, конечно, былъ всегда въ центрѣ этихъ событій.